

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XLVIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Двѣ главы изъ Романа В. Гюго:

Notre-Dame de Paris (*).

Десять часовъ утра. На Гревской площади повсюду слѣды вчерашняго праздника; по мостовой раскиданы разные обломки, ленты, лоскутки, перья, воскъ отъ свѣчей, остатки народнаго пиршества. Здѣсь и тамъ расхаживаютъ, или, лучше сказать, бродятъ толпами добрые Парижане; разгребаютъ ногами погасшіе уголья, уцѣлвшіе отъ потѣшныхъ огней, восхищающіеся видомъ дворца съ колоннадой, и воспоминаніемъ о вчерашнихъ вензеляхъ; вмѣсто послѣдняго удовольствія,

(*) Романъ сей переводится и вскорѣ поступитъ въ печать.

любуются гвоздями. Продавцы водки и пива кашають между толпами свои боченки. Взадъ и впередъ мелькають люди, поропясь по дѣламъ своимъ. Купцы толкуютъ, стоя у лавокъ, и перекликаются съ пороговъ. Всѣхъ занимають праздникъ, Послы, Коппеналь, Пана шуповъ; вездѣ кричатъ, хохочутъ въ запуски. А тѣмъ временемъ четыре конные сержанта спановяются по четыремъ споронамъ позорнаго столба, привлекая къ себѣ густую толпу черни, которая перпѣливо сноситъ скуку и бездѣйствіе, въ ожиданіи пріятнаго зрѣлища казни.

Обозрѣвъ веселую, живую картину Гревской площади, пусть читатель обрати възоры на древнее, часпію гоппическое, часстію романское зданіе, называемое Туръ-Роландскимъ домомъ, которое возвышается съ лѣваго краю набережной. На углу зданія замѣтитъ онъ толстый, общественный молпшвенникъ, богато оправленный, съ навѣсомъ отъ дождя и желѣзною решеткою отъ воровъ, сквозь копорую можно однако читать и перебирать въ немъ листы. Подлѣ него увидитъ онъ узкое, сведенное стрѣлкою, небольшое окно, обращенное на площадь; не много свѣта и воздуха проходитъ сквозь оное въ маленькую келлю, устроенную въ нижнемъ этажѣ, въ самой спѣнѣ древняго зданія,

въ которой всегдашняя тишина и мертвое молчаніе казались тѣмъ разительнѣе, что кругомъ кипѣла многочисленнымъ самая шумная Парижская площадь.

Три вѣка извѣстна была въ Парижѣ сія келля, съ тѣхъ поръ, какъ госпожа Роланда Туръ - Роландъ, въ печали по отцу, погибшемъ въ Крестовомъ походѣ, велѣла пробить ее въ стѣнѣ собственнаго дома, и заключилась въ ней навѣкъ, отказавъ Богу и бѣднымъ все свое имѣніе, и вмѣсто дворца оставивъ у себя убогую келлю, въ которой дверь была закладена, а окно открыто и зимой и лѣтомъ. И въ семь-то преждевременномъ гробѣ двадцать лѣтъ провела безутѣшная дочь, ожидая смерти; денно и нощно молилась за упокой души отца; спала на голой землѣ, и даже не было камня у ней подъ головою, одѣвая въ рубище, живя подавнымъ добрыхъ людей, которые клали ей на окно хлѣбъ и воду, и тѣмъ воздавали за ея прежнія благодѣнія. Въ часъ смерти, готовясь перейти въ иную могилу, завѣщала она сію послѣднюю въ наслѣдіе безутѣшнымъ женамъ, мамерямъ, вдовамъ или дочерямъ, скорбящимъ и молящимся о себѣ или за другихъ, желающимъ въ горести или въ пляскомъ покаяннѣ погребсти себя за-живо. Слезы и благословенія всѣхъ бѣдныхъ служили ей вмѣсто

похоронъ, хопя, къ крайнему ихъ прискорбію, благочеспивая дѣва, не была причислена къ лику Святыхъ. Но вольнодумцы между ними надѣялись что въ раю дѣлается это легче и скорѣе, нежели въ Римѣ, и за опдаленіемъ Папы, молили попросу Бога сподобить усопшую небеснаго блаженства. Другіе оспались припомъ, что память Роланды чтили какъ святой угодницы, и хранили, какъ святыню, лоскутки ея рубища. А городъ, съ своей стороны, согласно желанію дѣвицы, учредилъ общественный молитвенникъ подлѣ окна кельи, чптобы проходящіе останавливались, хопя для молитвы, а молитва напоминала бы о милостынѣ, и бѣдныя затворницы, коимъ достанется въ наслѣдство подвалъ госпожи Роланды, не умерли съ голоду, забытыя всѣми.

Впрочемъ, въ топъ вѣкъ никто не считалъ за диво такія могилы въ городахъ. Часто на улицѣ самой проѣзжей, посреди многолюдной и шумной площади, такъ сказашъ подъ копытами лошадей, подъ колесами телегъ, изрытъ былъ погребъ, колодезь или подвалъ съ рѣшеткою, а на днѣ живое существо молилось день и ночь, осудивъ себя добровольно на муки тяжкаго, вѣчнаго покаянія. Если бъ мы увидѣли такую чудную карпину, какихъ бы мыслей не возбудила въ насъ эта ужасная келья,

звено между могилою и домомъ, между кладбищемъ и городомъ, сей оплутчикъ опъ общества людей, заживо внесенный въ списокъ умершихъ; и погасающая во мракъ лампада; и оспапокъ жизни, мерцающей въ могилѣ; и дыханіе, и голосъ, и вѣчная молитва въ каменномъ склепѣ; и лице, непрестанно обращенное хъ иному міру; и взоры, сіяющіе нездѣшнымъ свѣтомъ; и слухъ, прильнувшій ко дну могилы; эта душа заключенная въ семь пѣлъ, пѣло, заключенное въ склепѣ, и подъ двойнымъ покровомъ плоти и граница ропотъ растерзанной муками души; но толпа ничего въ этомъ не видѣла. Набожность того времени, проспая, неушонченная, мало разсуждала и умствовала, и не видѣла большаго блеска въ простомъ дѣлѣ благочестія. Люди не смотрѣли свысока; они уважали, чтили жертву, и даже, если нужно было, благоговѣли предъ нею; но не разбирали спраданій: они ихъ не прогали. Они приносили иногда подаваніе бѣдному спрадальцу, заглядывали въ опверзніе, живъ ли онъ; имени его не знали, и едва ли помнили, съ какого времени онъ началъ умирать; а прохожему, на вопросъ его о живомъ мертвецѣ, плѣющемъ въ подобной могилѣ, сосѣди попросту отвѣчали, если то былъ мужчина: — „здѣсь

затворникъ," а если женщина: — „здѣсь затворница.“

И вошъ какъ смопрѣли тогда на всѣ вещи, безъ метафизическихъ воззрѣній, безъ микроскопа, простымъ глазами. Микроскопа не знали ни въ вещественномъ, ни въ духовномъ мірѣ.

Мало дивились на такихъ затворниковъ; но ихъ было не мало, какъ мы и выше сказали. Одинъ Парижъ заключалъ въ себѣ нѣсколько подобныхъ келлій для молитвы и покаянія; всѣ онѣ были заняты. Правда, монахи не давали имъ стоять пустыми, и, для поддержанія благочестія въ православномъ народѣ, вмѣсто опшельниковъ, часто сажали труда прокаженныхъ. Кромѣ келлии на Гревской площади, были еще въ Монфокопѣ, у кладбища Непорочныхъ, гдѣ-то еще, кажется, въ Клишонѣ, и много по другимъ мѣстамъ; видимыхъ слѣдовъ опъ нихъ не уцѣло, но память сохранилась въ преданіяхъ. Въ Университетской части города были тоже свои келлии. На горѣ Св. Женеьевы, какой-то Іовъ среднихъ вѣковъ тридцать лѣтъ распѣвалъ семь псалмовъ покаянія, сидя на навозной кучѣ, въ глубинѣ подземной трубы: доходя до конца, онъ начиналъ снова, и ночью пѣлъ громче: magna voce per umbras; еще понинѣ антикварій, входя въ улицу Говорящаго ко-

лодца (*Puits-qui-parle*), прислушивается къ его голосу. Но, обращаясь къ кельѣ Туръ-Роландской, мы должны сказать, что она почти всегда была занята. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла госпожа Роланда, рѣдко годъ или два оставалась она пустою. Много женщинъ оплакивали въ ней потерю родныхъ, любовниковъ, или калялись въ содѣянныхъ грѣхахъ. Лукавые Парижане, которые часто мѣшаются не въ свои дѣла, замѣтили и пущь, что вдовъ видали всего рѣже между затворницами.

По обычаю того вѣка, Латинская на стѣнѣ надписи объясняла грамотнымъ людямъ благочестивую цѣль, для коей назначена келья. Обыкновеніе обозначать зданіе крапкою надписью надъ входомъ сохранилось до половины шестнадцатаго вѣка. Такъ, во Франціи, надъ дверьми темницы въ замкѣ Турвилльскомъ, читаемъ: *Sileto et spera*; въ Ирландіи, подъ щитомъ, посвященнымъ надъ воротами Форпескульскаго замка: *Fortle scutum, salus ducum*; въ Англіи, надъ главнымъ входомъ въ госпепріимное жилище Графовъ Куперовъ: *Tuum est*. Всякое зданіе выражало тогда идею.

А какъ въ Туръ-Роландской кельѣ дверей не было, то надъ окномъ большими романскими начертили два слова: „*Tu, oga.*“

Здравый смыслъ простаго народа не

терпитъ ни какихъ тонкостей; онъ Ludovico magno переводитъ обыкновенно: Ворота св. Діонисія; такимъ же образомъ и нашей кельѣ, глухой, мрачной и сырой, далъ онъ названіе: крошу нора. Изъясненіе не высокое, за то живописное.

Въ то время, къ коему относится сей рассказъ, Туръ-Роландская келья была обитаема. Если читатель желаетъ знать, кѣмъ, пусть послушаетъ разговора трехъ честныхъ кумушекъ, которыя, тогда, какъ мы оставили его у Крошовой норы, шли именно туда, вдоль рѣки, отъ Шашелета на Гревскую площадь.

Двѣ изъ нихъ одѣты были, какъ слѣдуетъ добрымъ Парижанкамъ. Тонкія, бѣлыя брыжки на шеѣ, ширтеновыя юбки съ красными и синими полосами, бѣлые чулки съ цвѣтными стрѣлками, искусно надѣтые на ноги; четверугольные башмаки изъ необдѣланной кожи съ черными подошвами, и особенно головной уборъ, родъ какого-то мишурнаго рога въ лентахъ и кружевахъ, который носятъ еще женщины въ Шампаніи, обличали въ нихъ богатыхъ купчихъ, занимающихъ мѣсто между тѣмъ, что лакеи называютъ барынею, и что зовутъ они хозяйкою. Ни перспней,

ни золотыхъ кресловъ онѣ не имѣли; но замѣтно было, что это не по бѣдности, а изъ страха подвергнуться пенѣ. Почти такимъ же образомъ одѣта была и спутница ихъ, но въ нарядѣ и въ обращеніи ея чѣмъ-то отзывалось такимъ, что обличало въ ней жену провинціальнаго спряпчата. Спранно подвязанная юбка показывала, что она недавно въ Парижѣ. Прибавьте, что брыжки на шеѣ были у ней въ складкахъ, на башмакахъ банты изъ ленгъ, а полосы на юбкѣ шли не въ длину, а поперегъ, и тму несообразностей, коими гнушался образованный вкусъ.

Первыя двѣ шли такою поступью, съ какою обыкновенно Парижанки показываютъ Парижъ провинціалкамъ. Провинціалка держала за руку толстаго мальчика, а топъ держалъ въ рукѣ большой пирогъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ скрыть, что по тогдашней суровой погодѣ, вмѣсто носоваго плашка, употреблялъ онѣ азыкъ.

Ребенка, который спотыкался при каждомъ восклицаніи матери, плащла она по *passibus aequis*, какъ говоритъ *Виргилій*. Правда, онѣ смотрѣлъ чаще на пирогъ, нежели себѣ подъ ноги. И безъ сомнѣнія важная причина запрещала ему откусить отъ него (отъ пирога); ибо онѣ только посма-

привалъ на него съ нѣжностію. По всей справедливости, мать должна была бы взять на себя надзоръ за пирогомъ; грѣшно было толстощекаго мальчугу подвергать мукамъ Таншала.

Между тѣмъ при госпожи, (имя дамъ давалось благороднымъ женщинамъ), болтали всѣ вдругъ.

„Да ну же, госпожа Майешта, пойдемъ-те скорѣе,“ говорила провинціалкѣ младшая и самая толстая изъ нихъ. „Я боюсь, что мы опоздаемъ; вѣдь намъ еще въ Шапелетъ говорили, что его сей часъ поведутъ къ столбу.“

„Что вы говорите, госпожа Ударда Мюнъ?“ возразила другая Парижанка. „Его оставлятъ на два часа у позорнаго столба. Довольно времени. — Видали ли вы, любезная Майешта, какъ наказываютъ у позорнаго столба?“

— „А какъ же!“ отвѣчала провинціалка, „видала въ Реймсѣ.“

„Ну, что за позорные столбы въ Реймсѣ. Какая нибудь дрянная кляпка, въ копной вершицѣ мужиковъ. Эка диковинка!“

— „Какъ бы не мужиковъ!“ сказала Майешта: „на Суконномъ рынкѣ въ Реймсѣ, мы видали преступниковъ получше вашихъ, такихъ, которые убивали отца и мать! Мужиковъ! за кого почитаете вы насъ, Гервасія?“

Провинціалка гопова была совсѣмъ разсердился за оскорбленіе чести ихъ позорнаго столба, но скромная госпожа Ударда Мюнъе обратила во-время разговоръ на другой предметъ.

„Ксати, госпожа Майешта, что скажете вы о нашихъ Фламандскихъ Послахъ? Есть ли у васъ такіе въ Реймсѣ?“

— „Признаюсь,“ отвѣчала Майешта: „что такихъ Фламандцевъ можно видѣть только въ Парижѣ.“

„А замѣтили ли вы между ними высокаго Посланника, чулочника?“ спросила Ударда.

— „Какъ же!“ сказала Майешта. „Онъ похожъ на Сатурна.“

„Ну, а того толстяка, который ужасно какъ похожъ съ лица на голое брюхо,“ возразила Гервасія. „А низенькаго, съ маленькими глазами и рыжими рѣсницами, жесткими, короткими, рѣдкими, какъ на цвѣпахъ у репейника?“

„Нѣтъ! что любопытно, такъ это лошади, во всемъ Фламандскомъ уборѣ!“ сказала Ударда.

— „Ахъ, моя милая!“ прервала провинціалка Майешта, взявъ надъ ними верхъ въ свою очередь: „что, если бы за двадцать одинъ годъ назадъ побывали вы въ 61-мъ году на коронаціи въ Реймсѣ, и поглядѣли на Королев-

скихъ лошадей и свиту, что бы вы сказали? Чапراки и попоны всякаго рода, шелковыя, парчевыя, подбитыя соболями, — бархатныя, подбитыя горностаями, съ золотыми киспями, съ серебряною бахрамою! Какихъ денегъ это стоило! Какіе пригожіе малютки пажы на нихъ сидѣли!“

„Такъ, но все это не мѣшаетъ,“ возразила сухо Ударда: „что у Фламандцевъ лошади прекрасныя, и что вчера давали имъ великолѣпный ужинъ у Городскаго Головы, въ Рапушѣ, гдѣ подчивали ихъ закусками, инокрасомъ и разными сластями.“

„Что вы, сосѣдка!“ вскричала Гервасія: „Фламандцы ужинали у господина Кардинала въ маломъ Бурбонскомъ замкѣ.“

„Ни чуть не бывало. Въ Рапушѣ!“

— „Извините, въ маломъ Бурбонскомъ дворцѣ.“

„Въ Рапушѣ!“ подхватила Ударда съ досадою: „а доказательство тому, что Докторъ Скурабль говорилъ имъ по-Латини рѣчь, и она имъ очень понравилась. Мнѣ сказывалъ мой мужъ, который служилъ тамъ Присяжнымъ.“

— „Въ маломъ Бурбонскомъ дворцѣ!“ оповѣчала съ такимъ же жаромъ Гервасія: „а доказательство, что управитель господина Кардинала подносилъ имъ: двѣнадцать двойныхъ квартъ инокраса бѣлаго, розоваго и крас-

наго ; двадцать чепыре миндальных пирога
Ліонскихъ, позолоченныхъ, шесть боченковъ
вина Бонскаго лучшаго, бѣлаго и краснаго.
Я знаю это навѣрное. Мнѣ сказывалъ мой
мужъ, а онъ пятидесятиникомъ въ Мѣцанскомъ
Совѣтѣ; и нынѣ еще поутру сравнивалъ По-
словъ Фламандскихъ съ Послами Препѣ-Жана
и Императора Требизондскаго, которые при
покойномъ Государѣ пріѣзжали изъ Месопотаміи
въ Парижъ, и которые носили въ ушахъ
кольца.“

„Они ужинали въ Рамушѣ!“ возразила
Ударда, не обращая вниманія на ея описаніе:
„и никогда не видали такого множества мяса
и закусокъ.“

— „Я говорю вамъ, что въ маломъ Бур-
бонскомъ дворцѣ, и служивалъ имъ Секъ,
сержантъ въ Рамушѣ; вотъ почему вы оши-
баетесь.“

„Увѣрю васъ, что въ Рамушѣ.“

— „Въ маломъ Бурбонскомъ дворцѣ, моя
милая! и попому разными огнями освѣтили
слово *надежда*, что написано надъ главнымъ
входомъ.“

„Въ Рамушѣ! въ Рамушѣ: и Гуссонъ
ле Вуаръ игралъ еще на флейтѣ.“

— „Я говорю, что неправда!“

„А я говорю, что правда!“

— „Не правда!“

Толстая Ударда приготовилась дать отпоръ, и ссора, можеть быть, дошла бы до головныхъ уборовъ и волосъ, если бь Майешта не вскричала : „Посмотрите, сколько народу столпилось тамъ, на краю моста! На что это они смотрять?“

— „Въ самомъ дѣлѣ,“ сказала Гервасія: „я слышу тамбуринъ; вѣрно малюпка Смеральда забавляется съ своей козою. Да ну, Майешта, идите скорѣе, пащите своего ребенка, — теперь-то вы увидите всѣ чудеса въ Парижѣ. Видѣли вчера Фламандцевъ, увидите сей часъ Цыганку.“

„Цыганку!“ сказала Майешта, поспѣшно опустивъ назадъ и сильно сжавъ руку сына. „Боже сохрани! она украдетъ у меня ребенка! Пойдемъ, Евстаѣій!“

Она пустилась бѣжать вдоль набережной, къ Гревской площади, пока мостъ не остался далеко за нею. Но ребенокъ, котораго она пащила, упалъ вдругъ на колѣни. Ударда и Гервасія ее настигли.

— „Цыганка украдетъ у васъ дитя!“ сказала Гервасія. „Съ чего вы взяли?“

Майешта въ размышленіи качала головою.

„Но воптъ что чудно,“ замѣтила Ударда: „что и схимница то же думаетъ о Цыганкахъ.“
„Какая схимница?“ сказала Майешта.

„Э!“ сказала Ударда: „ну да сестра Гудула.“

„Что за сестра Гудула?“ возразила Майешта.“

— „Охъ вы съ вашимъ Реймсомъ! какъ не знать этого!“ отвѣчала Ударда. Запворница, что живетъ въ кельѣ *Кроту нора*.“

„Какъ!“ спросила Майешта: „та самая, которой мы несемъ пирогъ?“

Ударда, въ знакъ подтвержденія, кивнула головою.

„Ну да. Вы увидите ее на Гревской площади, въ окно. Она то же думаетъ о бродягахъ Цыганахъ, которые ворожатъ и пляшутъ съ шамбуриномъ. Не извѣстно, отъ чего у ней такое отвращеніе къ Цыганамъ. Но вы, Майешта, чего боитесь вы смѣряться на нихъ?“

— „О!“ сказала Майешта, ухвативъ обѣими руками круглую голову своего сына: „я не хочу, чтобы со мною было то же, что случилось съ Пакештою Шанпфлѣри.“

„Что же такое! Вы вѣрно расскажете намъ эту исторію, милая Майешта,“ сказала Гервасія, взявъ ее за руку.

— „Охотно,“ отвѣчала Майешта: „но замѣчу, что однимъ Парижанкамъ неизвѣстна она. И такъ скажу вамъ — но зачѣмъ мы стали? Я буду идти и рассказывать — что

Пакетта-Шантлёрн была хорошенькая дѣвушка осьмнадцати лѣтъ, такая же, какъ была и я въ то время, то есть: восемнадцать лѣтъ назадъ, — и сама она виновата, что не можетъ быть теперь, такою же какъ я, здоровою и свѣжею хозяйкой тридцати шести лѣтъ, не имѣть мужа и сына; но въ четырнадцать лѣтъ ужъ ей нельзя было о томъ и думать! — Она была дочь Гюйберто, музыканта на Реймскихъ лодкахъ, того самаго, который игралъ передъ Королемъ Карломъ VII, въ его коронованіе, когда онъ съ госпожею Дѣвспвейницею плылъ по нашей рѣкѣ Велъ внизъ отъ Силлери до Мюнзона. Старикъ отецъ умеръ, и оставилъ Пакетту ребенкомъ; у ней никого не было, кромѣ матери, сестры Матвѣя Прадона, который торговалъ мѣдной и оловянной посудой въ Парижѣ, на улицѣ Парикъ-Гарлинской, и умеръ прошлаго года. Видите, что она была изъ хорошей фамиліи. Мать, добрая женщина, къ несчастію не научила ничему Пакетту, показала только ей дѣлать бахрамы и убирать куклы. Малышка между тѣмъ росла, а богаче не дѣлалась. Онѣ обѣ жили въ Реймсѣ, на берегу рѣки, въ улицѣ Фоль-Пень. Забѣйте: я думаю, что въ этомъ вся бѣда Пакетты. Въ 61-мъ году, въ самую коронацію нашего Короля Людовика XI, Па-

кешпа была такъ весела, такъ мила, что ее вездѣ только и звали Шанпфлѣри. — Бѣдная дѣвушка! — У ней были прекрасные зубы; она любила смѣяться и показывать ихъ; а дѣвущкѣ, охотницѣ смѣяться, прійдется когда нибудь плакать. Сколько хорошихъ глазокъ погибло отъ хорошихъ зубовъ! Вошъ такъ и съ Пакешпой. Онъ съ матерью съ трудомъ доставали пропитаніе; тяжко имъ было послѣ смерти музыканта; бахромы ихъ не приносили и шести динаровъ въ недѣлю, а шупъ не выйдетъ и двухъ ліаровъ. Куда дѣвалось по времечко, какъ бывало Гюйберто въ коронацію одною пѣснею доставалъ двѣнадцать Парижскихъ сольдовъ? Однажды зимою — въ томъ же въ 61-мъ году, — у бѣдныхъ не спало дровъ ни полѣнца; но отъ холода Шанпфлѣри была словно маковъ цвѣтъ, такъ что мужчины звали ее: Пакешпа! а многіе кликали: Пакешпочка! — это самое и погубило ее. — Евстаѣій, смотри, береги пироги. — Въ одно Воскресенье пришла она въ церковь съ золотымъ крестникомъ на шеѣ, и мы тотчасъ смѣкнули, что пропала. — По пятнадцатому году! — Какое это? — Сперва молодой Виконтъ Кормонпрель, у котораго замокъ на три четверти миліи отъ Реймса; потомъ Мессиръ Генрихъ Трианкуръ, Королевскій объѣзд-

чикъ ; а памъ и еще меньше : Шіяръ-Боліонъ, полковой сержантъ ; памъ Гери Обержонъ, Королевскій Кравчій ; памъ Масе-Фрепю, цирюльникъ Дофина ; памъ Тевенень-ле-Муанъ, Королевскій поваръ ; потомъ, все ниже и ниже, она попала къ Вильгельму Распну, городскому пѣвчому, и Тьериде-Меру, фонарщику. Потомъ бѣдная Шанпфлѣри дошла до крайности, и принадлежала уже кому угодно. Чшо миѣ вамъ еще сказать, любезныя госпожи ? Въ томъ же 61 году, во время коронаціи, никто другой, какъ бѣдная Пакешта !“ Майешта вздохнула и отерла навернувшуюся слезу.

„И впрямъ, диковинная исторія,“ сказала Тервасія : „только я не вижу въ ней ни Цыганъ, ни ребенка.“

„Погодите,“ возразила Майешта : „будетъ ребенокъ. Въ 66 году, — этому на дняхъ, въ день Св. Павла, минетъ ровно шестнадцатъ лѣтъ, — Пакешта родила дѣвочку. Бѣдняжка сама себя не помнила отъ радости : ей давно хотѣлось имѣть ребенка. Ея мать, добрая старушка, на все смотрѣвшая сквозь пальцы, умерла ; ей нѣкого было любить, да и ее никто не любилъ. Бѣдная Шанпфлѣри была самое жалкое твореніе ; цѣлая пятъ лѣтъ съ той поры, какъ грѣхъ съ нею приключился, одна - одинешенька въ цѣломъ свѣтѣ. Всѣ

указывали на нее пальцами, полицейскіе колопили ее, мальчишки въ лохмотьяхъ не давали ей проходу. Въ добавокъ, пришелъ двадцатый годъ; а въ двадцать лѣтъ — женщина любви — спаруха: морщины приходили, а деньги уходили. Тяжело было ей зимою; огонь по прежнему рѣдко былъ у ней на очагѣ, а хлѣбъ въ квашнѣ. Ремесло ея приносило не больше, какъ и бахромы. Работать она не могла, потому что сладостлюбіе приучило ее къ лѣности, и она терпѣла больше другихъ отъ того, что отъ лѣности спала она сладостлюбивѣе. Такъ, по крайней мѣрѣ, Священникъ церкви Сень-Ремі полковалъ намъ, почему эти женщины терпятъ болѣе отъ снужа и голода, чѣмъ другія бѣдняжки на старости.“

„Все такъ,“ замѣтила Гervasія: „но Цыганы?“

„Минуточку, Гervasія!“ сказала Ударда, не столько любопытная. „Что оставалось бы на концѣ, если бы все было въ началѣ? Пожалуйста, продолжайте, Майешта. Бѣдняжка Шантфлѣри!“

(Окончаніе впереди.)

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТАНУ ІОСАФАТА БАР-
 БАРО ВЪ 1436 ГОДУ (*).

(Переводъ съ Италіянскаго).

Здѣсь начинается описаніе видѣннаго и слышаннаго мною, Іосафатомъ Барбаро, гражданиномъ Венеціанскимъ, въ путешествіи, которое сдѣлалъ я въ Тану.

Земля, какъ доказываютъ Геометры очевидѣйшими доводами, въ сравненіи съ пвердію, такъ мала, какъ почка, сдѣланная по срединѣ окружности круга. Обитаемая же часть земли еще меньше; — ибо бѣльшая часть оной, или покрыва водаю, или, по неумѣренности спужи и жару, — остается необитаемою. Потому-то и люди столь ничтожны, что мало находится такихъ, которые видѣли бы большую часть оной; и никто (если не ошибаюсь) не видалъ ея всей. Тѣ же, которые въ наше время видѣли какую нибудь часть земли, суть, по бѣльшей части, или купцы, или люди, посвятившіе себя мореходному искусству, — въ какихъ двухъ ремеслахъ опъ незапамятнаго времени, даже до

(*) Дославлено П. П. Свинынымъ.

сего дня, опцы мои, Гг. Венеціане, столь превосходны, что, я думаю (сказавъ б зъ лести), они имѣютъ въ оныхъ первенство предъ прочими народами. — И какъ Римская Имперія теперь не вездѣ владычествуетъ, какъ было прежде, — и какъ различіе языковъ, обычаевъ и вѣроисповѣданій раздѣлило сію малую часть Свѣта, то вѣрно большая часть нынѣ обитаемой земли осталась бы неизвѣстною, если бы купцы и мореплаватели Венеціанскіе не открыли и не описали оной, — въ число которыхъ я и себя могу, по всей справедливости, включить; ибо почти все время моей младости и большую часть старости моей провелъ я въ опдаленныхъ мѣстахъ, у народовъ варварскихъ, у людей, которые вовсе чужды просвѣщенія, и коимъ обычаи наши казались странными: у сихъ-то народовъ я видѣлъ и испытывалъ очень много такого, что здѣсь не употребляется, и что невыѣзжающимъ никогда изъ Венеціи можетъ показаться вымышленнымъ и ложнымъ. — И по этому-то, я не старался ни описывать, ни говорить много о томъ, что видѣлъ я и слышалъ.

Будучи же неоднократно понуждаемъ просьбами тѣхъ особъ, которымъ былъ я не въ силахъ отказать, и узнавши, что вещи гораздо чуднѣе и удивительнѣе видѣнныхъ

мною описаны древними Авторами, какъ по: Плиніемъ, Солиномъ, Помпоніемъ Меломъ, Страбономъ, Иродотомъ, Діодоромъ Сицилійскимъ, Діонисіемъ Галикарнаасскимъ, и новѣйшими Сочинителями, какъ по: Маркомъ Паоло, Николаемъ Кенне, Іоанномъ Ванда, и нашими современниками Пешромъ Квирино, Алозіемъ да Моско, Амвросіемъ Конпарини и многими другими; и я, по примѣру ихъ, рѣшился также описать мною видѣнное и слышанное, во славу Господа Бога, спасшаго меня отъ безчисленныхъ опасностей, и не столько въ угожденіе особамъ, принудившимъ меня къ сему, сколько для пользы и руководства тѣхъ, которые будутъ послѣ меня въ мѣстахъ, посѣщенныхъ мною; но еще гораздо болѣе для пользы и удобства нашего знаменитѣйшаго города, если когда либо ему заблагоразсудится послать кого нибудь изъ гражданъ своихъ въ тѣ страны.

Въ 1435 году началъ я путешествіе свое въ Тану, гдѣ провелъ, тамъ и сямъ, шестнадцать лѣтъ. Я объѣхалъ тѣ страны, какъ по морю, такъ и по сушѣ, съ большимъ стараніемъ и любопытствомъ.

На восточной сторонѣ Татаріи лежишь рѣка *Ледиль* (*), на западной *Польша*, на съ-

(*) Волга.

верной *Россія*, на южной, примыкающей къ такъ называемому *Большому морю* (Черное море), *Аланія*, *Куманія* и *Хазарія*; всѣ сѣ страны граничатъ съ моремъ *Сабашскимъ*, и слѣдовательно *Татарія* находится между вышеозначенными границами.

Но чтобы меня лучше поняли, я начну описывать путешествіе мое отъ *Большаго моря* до степей, близкихъ къ оному, и отъ твердой земли называемой *Елиге* (*), которая отстоитъ отъ *Кафы* на пятьдесятъ миль. Прошедши же рѣку сѣю, должно идти къ *Монкастро* (**), гдѣ находится знаменитая рѣка *Дунай*. — Но я не буду ничего объ оной говорить, ибо есть мѣста гораздо примѣчательнѣйшія.

Аланія получила названіе свое отъ народа, прежде тамъ обитавшаго, называемаго *Аланы*, который на природномъ языкѣ своемъ именовался *Ясѣ*. Они были прежде *Христіанами*, и были изгнаны и уничтожены *Татарами*.

Въ сей странѣ есть горы, рѣки и долины; на сихъ послѣднихъ находится большое множество насыпанныхъ холмиковъ или кур-

(*) Вѣроятно *Днѣпръ*. Но сѣ рѣка гораздодалѣе отъ *Кафы*, нынѣшней *Ододосіи*.

(**) *Акерманъ*.

гановъ, служащихъ знакомъ погребенія; они имѣютъ на вершинѣ своей большой камень съ опверзтіемъ, въ которое вспаляется крестъ, изсѣченный изъ цѣльнаго камня, — и ихъ памъ очень много.

Мы слышали, что въ одномъ изъ сихъ кургановъ зарыто значительное сокровище; ибо въ то время, когда Мессеръ Ландо былъ Консуломъ въ Танѣ, прибылъ къ нему изъ Каира нѣкто по имени Гулбединъ, и сказалъ, что, бывъ въ Египтѣ, онъ слышалъ отъ нѣкоторой Ташарки, что въ одномъ изъ сихъ кургановъ, именуемомъ *Контебе*, сокрыто Аланами сокровище, и что даже она рассказала ему признаки какъ кургана, такъ и его мѣстоположенія... Сей-то Гулбединъ началъ раскапывать оный курганъ, дѣлая опверзтія то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и продолжалъ такимъ образомъ работу свою цѣлые два года; — наконецъ умеръ, не приведши къ концу предпринятой работы, изъ чего было заключено, что онъ, по немоши своей, не былъ въ силахъ найти то сокровище.

По сему-то поводу въ 1437 году, въ ночь Св. Екатерины, собрались находившіеся въ Танѣ, въ домъ Вареоломея Россо, Венеціанскаго гражданина, семь купцевъ, а именно: Франческо Корнаро, братъ Іакова Кор-

наро Далъ Банко, Контарино Контарини, который отправился послѣ того въ Константинополь, Иванъ Барбариго, сынъ Андрея ди Кандіа, Иванъ да Валле, который былъ нѣкогда командиромъ судна именуемаго *Фуста*, въ Гардѣ — и который отправился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Венеціянами, въ Дербенитъ моремъ, на лодкѣ собственной его работы, въ 1428, будучи приглашенъ шуда Правителемъ того города, и ограбилъ суда, шедшія изъ Страны, что впрочемъ достойно удивленія. Но я оставляю теперь это, а буду продолжать мною начатое.

Прочіе купцы были: Моизе Бонъ ди Алессандро даλλα Джудекка, Бартоломео Россо, и я, вмѣстѣ съ Св. Екапериною, которую я ставлю осьмою въ нашемъ предпріятіи. — Находясь, говорю, въ Танѣ, въ ночь Св. Екаперины, въ домѣ Бартоломео Россо, мы семеро, (изъ насъ трое были прежде въ тѣхъ справахъ), разсуждая между собой о семъ сокровищѣ, согласились наконецъ, давши подписку съ присягою, (которая подписка была писана рукою Контарини — копію же оной я по сіе время храню у себя), итти шуда и раскопать томъ курганъ.

Приготовивъ все нужное для путешествія нашего, мы пріискали 120 человекъ рабочихъ для раскапыванія кургана, пламя

каждому изъ нихъ по при дукапа въ мѣсяцъ. — По прошествіи же осьми дней, мы, семь купцовъ, вмѣстѣ съ 120 человекѣми, отправились изъ Таны къ назначенному мѣсту, съ нашими пожитками, съ съѣстными припасами, съ оружіемъ, и съ разными инструментами, положивъ все сіе на сани, употребляемыя въ Россіи, переправились по льду чрезъ рѣку (*), и на другой день прибыли къ мѣсту, гдѣ находился вышеупомянутый курганъ. — Мѣсто сіе отстоитъ отъ Таны на 50 миль.

Сказанный курганъ вышиною въ 50 футовъ, вверху плосокъ, и на сей плоскости находится такой же курганъ, похожій на круглую шапку. Онъ окруженъ довольно большимъ камнемъ, такъ, что два человека могутъ свободно по оному пройти. И сей второй курганъ вышиною въ 12 футовъ.

Верхній же имѣлъ видъ кругообразный, какъ бы сдѣланный по компасу, и занималъ въ поперечникѣ 80 футовъ.

Когда все было приведено въ надлежащій порядокъ, мы начали копать и прорубать землю на плоскости большого кургана, (который служилъ началомъ меньшему), съ намѣреніемъ прорубить большую дорогу, и до-

(*) Донъ.

стигнуть самого дна. — Въ началѣ нашей работы, земля была такъ тверда, что едва могли ее разбить попорами и лопатками; но прокопавши немного, она стала гораздо мягче, и въ тотъ день работа шла очень успѣшно. Пришедши же на слѣдующее утро, для продолженія работы, нашли землю замерзшую какъ прежде, и еще гораздо тверже, — такъ, что мы рѣшились оставить до времени предпринятую нами работу, и возвратиться въ Тану, съ намѣреніемъ однако же и съ твердою рѣшимостію возвратиться туда весною.

Около исхода Марта мѣсяца, мы возвратились туда съ лодками, и съ 150 человѣками, и начали опять раскапывать тотъ курганъ, и въ 22 дня мы сдѣлали проломъ шириною въ 8, глубиною въ 10, а длиною въ 60 футовъ. Вы здѣсь услышите о вещахъ, почти невѣроятныхъ. Мы нашли все то, о чемъ намъ сказано было прежде; почему мы еще болѣе увѣрились въ то, что тамъ точно находится то сокровище; такъ что имѣя несомнѣнную надежду отыскать оное, мы, плачившіе деньги людямъ нами нанятымъ, носили прилежныѣ ихъ носилки, — и я былъ мастеръ дѣлать носилки. Но что больше всего поразило насъ, было то, что первый слой земли былъ черенъ отъ срава,

второй был углеватый, и это не удивительно; потому что въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста сего, находятся лѣса ивняковъ, гдѣ они могли жечь уголья. — Послѣ же сего слѣдовала зола, толщиною въ одинъ локоть, и это очень возможно; ибо изъ находящагося вблизи камыша, они могли имѣть золу. Послѣдній же слой былъ изъ просяной шелухи, также на одинъ локоть; изъ чего заключить можно, что народъ, насыпавшій курганъ сей, употреблялъ просяной хлѣбъ, и собиралъ долго просяную шелуху, чтобы насыпать ее на семь мѣстъ. — Желалъ бы я досповѣрно узнать, сколько потребно было проса, чтобы шелухою онаго насыпать то мѣсто кургана, занимающее въ ширину одинъ локоть. — Подъ самымъ же низомъ была рыба чешуя, также на одинъ локоть. Посему-то можно смѣло сказать, что въ этой рѣкѣ находилось довольно рыбы. — Предоставляя право чинапелю моему вѣрить сему или не вѣрить, я думаю, что тотъ, который велѣлъ насыпать курганъ сей, именуемый Индіабу, желая наполнить оный столь разнообразными веществами, (что, можетъ быть, употреблялось при погребеніи всякаго), вѣрно подумалъ о семь гораздо прежде смерти своей.

Сдѣлавъ сей проломъ, и не нашедши

памѣ сокровища, мы разсудили сдѣлать еще два пролома въ срединѣ большаго кургана, которые бѣ были глубиной и шириной въ 4 фута. Но въ то время, когда мы прорубали ступени, по которымъ вспаскивали носилки, нашли мы слой земли бѣловапый и пвердый. Углубившись же на пять футовъ, опыскали мы нѣсколько каменныхъ сосудовъ; нѣкоторые изъ нихъ были полны золы, другіе рыбныхъ костей, а иные были порожніе. Также нашли мы памѣ пять или шесть паръ чепокъ величиною въ апельсинъ; онѣ сдѣланы были изъ жженой и покрытой глянцемъ глины, и походили на тѣ, которыя дѣлаются у насъ въ Анконѣ, и употребляются для неводовъ. Кромѣ сего опыскали мы еще изломанную ручку какого-то серебрянаго сосуда, которая сдѣлана была на подобіе змѣиной головки. . . .

Но въ Свяшую Недѣлю началъ дуть восточный вѣтеръ съ такою упорностію, что воздымалъ землю, дернъ и камни, и обращалъ все сіе въ лице работавшихъ людей, причиня имъ ужасныя и даже смертельныя раны. По каковой причинѣ рѣшились мы вовсе оставить работу сію, и не дѣлать болѣе ни какихъ опытовъ; — и сіе происходило во второй день Святлаго праздника. — Мѣсто сіе, по преданію, именовалось сперва *рвами*

Гулбедина, но въ послѣдствіи названо *реами Франковъ*, и сіе названіе оспалось даже до сего дня. — Произведенная же нами работа такъ значительна, что смѣло думать можно, что она въ такое короткое время произведена была не иначе, какъ тысячу чело-
вѣками.

Мы не имѣемъ болѣе ни какого извѣстія о томъ сокровищѣ, но (сколько мы слышали) что если и было тамъ сокровище сіе, то причина, по которой оно было сокрыто въ семъ курганѣ, была та, что Индіабу, Царь Алановъ, услышавъ, что Татарскій Императоръ идетъ на него войною, повелѣлъ положить его тамъ; но чтобы никто не могъ замѣтить сего, притворился, будто бы онъ желаетъ приготовить себѣ могилу, по обычаю тогдашняго времени; — положивъ же туда все то, что ему заблагоразсудилось, потомъ приказалъ насыпать сей курганъ,

Сто лѣтъ тому, какъ Татары начали исповѣдывать вѣру Магомешанскую; правда, что и прежде сего, нѣкоторые изъ нихъ были Магомешанами; но за всѣмъ тѣмъ всякъ былъ воленъ исповѣдывать ту вѣру, какая ему болѣе нравилась. По сей-то причинѣ также многіе изъ нихъ поклонялись болванамъ, сдѣланнымъ изъ дерева — и возили ихъ на возахъ.

Гедигей, Главнокомандующій войскъ Татарскаго Императора Сиди-Гамешъ Хана, первый изъ Татаръ ввелъ ученіе Магометово между своими соотчичами; онъ былъ опцемъ Науруса, о которомъ мы теперь говоримъ будемъ.

Съ 1438 года царствовалъ въ степяхъ Татарскихъ Императоръ Улу-Магометъ Ханъ, т. е. великій Магометъ Императоръ; онъ царствовалъ много лѣтъ и обиталъ, съ своей ордою, въ степяхъ къ Россіи примыкающихъ. Былъ у него военачальникомъ сей-то Наурусъ, сынъ Гедигея, обратившаго Татаръ изъ идолопоклонства въ Магометанское исповѣданіе.

Произошло однако же, въ послѣдствіе времени, нѣкоторое несогласіе между Императоромъ и Наурусомъ, такъ, что сей послѣдній, оставивъ начальство надъ войскомъ, удалился съ плѣми, которые хотѣли за нимъ послѣдовать, и пошелъ къ рѣкѣ *Ледиль*, гдѣ царствовалъ тогда Кеци-Магометъ, т. е. малый Магометъ. — Пришедши къ нему, онъ уговорилъ его идти войною на Улу-Магомета, совокупивъ въ одно оба войска.

Оправившись въ походъ, они шли по дѣль Жиперхана (*), и степей Тюменскихъ, и

(*) Астрахань.

проходя около Черкессіи, приближались къ рѣкѣ Танѣ (*), и къ заливу моря Сабашскаго (**) (*mar delle Sabacche*), который тогда съ рѣкою были покрыты льдомъ; и какъ было очень много народу и скота, то надлежало идти на далекомъ разстояніи одному отъ другаго, такъ, что одинъ начальникъ народа сего шелъ отъ мѣста, называемаго Паластра, а другой отъ мѣста, именуемаго Бозагацъ, т. е. сѣрое дерево, которое опстоитъ отъ Паластры на 120 миль. И въ такомъ-то разстояніи шелъ народъ сей, хотя и не былъ привыченъ къ пѣшеходству.

Мы слышали объ ономъ за четыре мѣсяца до его прихода въ Тану. За мѣсяцъ до пріѣзда ихъ Императора, начала приходить въ Тану малыми отрядами часть его войска. Отряды сіи составлены были изъ 3 или 4 конныхъ юношей, ведшихъ за собою еще по одной лошади. Тѣ изъ нихъ, которые приходили прямо въ Тану, являлись къ Консулу, который, обласкавши ихъ, дѣлалъ имъ разные вопросы. Когда ихъ спрашивали, для чего и куда они ѣдутъ, они отвѣтствовали, что, будучи молоды, путешествуютъ для собственнаго своего удовольствія. Кромѣ сихъ словъ, у нихъ нельзя было ничего болѣе вы-

(*) Рѣка Донъ.

(**) Азовское море.

пытать, и они, стоя около двухъ часовъ неподвижно, уходили. — Каждый день происходило то же самое, съ тѣмъ только различіемъ, что число ихъ увеличивалось.

По приближеніи же ихъ Императора къ Танъ, въ теченіе пяти или шести дней, начали приходиться, въ стройномъ порядкѣ, по 25, по 50, по 100 и болѣе вооруженныхъ людей въ день. Прибылъ наконецъ и ихъ Императоръ. Онъ остановился въ одной старой мечети, отстоявшей отъ Таны на вылетѣ стрѣлы. Узнавъ сіе, Консулъ разсудилъ за благо послать дары, и послалъ одну *новенну* Императору, другую матери его, а третью Наурусу, начальнику войскъ. *Новенной* именуется подарокъ, состоящій изъ девяти различныхъ вещей, к. п. изъ шелковыхъ матерій, изъ разныхъ парчей и тканей, и изъ другихъ сему подобныхъ вещей, числомъ до девяти, какъ водится въ той землѣ. — Консулъ хотѣлъ, чтобы я отправился къ нему съ дарами, и ему было предложено: хлѣбъ, вино, сдѣланное изъ меду, пиво и другія вещи, числомъ до девяти.

Вошедши въ мечеть, мы увидѣли Императора, возлежащаго на коврѣ, — подлѣ него сидѣлъ Наурусъ; — ему было 22 года, а Наурусу 25 лѣтъ. — Предложивъ ему упомянутые выше сего дары, я сказалъ ему, что

народъ, находящійся въ Танѣ, и самая земля отдаются подъ его покровительство, и ждутъ его повелѣній. Онъ отвѣчалъ мнѣ на сіе благосклонно. Потомъ, посмотрѣвъ на меня, началъ смѣяться и бить въ ладоши, говоря: „посмотри, какая это земля, что только при глаза, у шрехъ челоуѣкъ!“ И это онъ сказалъ по тому поводу, что Буранъ каменосѣцъ, нашъ переводчикъ, былъ кривъ на одинъ глазъ, равнымъ образомъ какъ и Джуанъ Грекъ, консульскій лодочникъ, и шотъ, который подносилъ ему медъ. — Простившись послѣ сего съ нимъ, мы возвратились во-свояси.

Но, можетъ быть, кому нибудь изъ моихъ читателей покажется страннымъ то, что я сказалъ выше сего, будто бы войско сего Императора шло малыми отрядами, состоящими иногда изъ 4, 10, 20 и 30 челоуѣкъ, которые были отдалены отъ своего народа на десять, шестнадцать и болѣе дней пути, — такъ что спросилъ меня: чѣмъ могли они прокормиться? — Я же скажу ему въ отвѣтъ, что каждый изъ нихъ, отдалившись отъ своего народа, носилъ при себѣ мѣшокъ, сдѣланный изъ козьея кожи, наполненный просною мукою, разведенною съ медомъ, и когда не бываетъ дичи, (что, впрочемъ, случается очень рѣдко), которую они спрѣляютъ съ удивительною ловкостію, въ

особенности изъ луковъ, то онъ, взявши тогда нѣсколько сей муки, разводивъ оную въ находящейся у него деревянной чашкѣ съ водою — что и употребляетъ въ пищу.

Однажды я спросилъ у одного изъ нихъ, чѣмъ они питаются въ степяхъ; онъ же, вѣсело того, чтобы отвѣчать мнѣ, напропивъ того спросилъ меня, отъ чего мы умираемъ съ голоду, — какъ бы хотѣлъ онъ этимъ сказать: имѣлъ бы я только то, что въ силахъ поддерживать жизнь, — а о прочемъ я мало забочусь.

Они употребляютъ въ пищу траву, коренья, словомъ все, что ни встрѣяютъ; только была бы у нихъ соль, потому что отъ недостатка оной, у нихъ ротъ наполняется пузырями и приходитъ въ гніеніе: и отъ этой болѣзни нередко многіе изъ нихъ умираютъ въ самыхъ жестокихъ мученіяхъ.

Но обратимся къ прежнему. По пріѣздѣ ихъ Императора, началъ приходитъ народъ его со скотомъ. — Сперва шли лошадиные табуны, изъ коихъ въ каждомъ было по 60, по 100, по 200 и болѣе лошадей; потомъ табуны верблюдовъ и рогагаго скота, а позади ихъ стада мелкаго скота; — и сіе продолжалось шесть дней.

Въ продолженіе цѣлаго дня, вся поверх-

ность степи, окружающей Тану, была покрыта безчисленнымъ множествомъ людей и скопа, шедшихъ взадъ и впередъ: — и если это было только начало, то что жъ была середина? — Мы стояли цѣлый день на городскихъ стѣнахъ (ибо ворота были заперты), и ввечеру упомянуты были отъ долгаго смотрѣнія. — Перечесать народъ сей было невозможно. — Теперь расскажу вамъ, какимъ образомъ они ловящъ звѣрей и стрѣляютъ птиць. — Каждый изъ нихъ имѣетъ въ рукѣ палку; они становятся въ рядъ, одинъ отъ другаго разстояніемъ на 100 шаговъ; и тогда охотники (кто пѣшкомъ, кто на лошади) оспанавливаются, гдѣ имъ кажется удобнѣе, и когда приходитъ время, то они или бросаютъ вверхъ птиць своихъ, или отпязываютъ собакъ. — Между птицами, которыхъ болѣе всего стрѣлялъ народъ сей, были куропапки и дрохвы, имѣющія короткій хвостъ, какъ у курицы; онѣ держатъ голову прямо, какъ пѣлухи, а величиною и вѣсомъ походящъ на павлиновъ, исключая хвоста. — Такъ какъ нынѣшняя Тана окружена маленькими холмиками, и подлѣ оной находится много рововъ, занимающихъ въ окружности почти десять миль, *гдѣ нѣкогда была древняя Тана* (*); то обыкновен-

(*) Мѣсто сіе до нынѣ замѣтно, согласно съ симъ

но пшцы прѣчутся между сими холмиками и въ сихъ рвахъ, нѣтъ никогда непосѣщаемыхъ. Вокругъ стѣнъ Таны и въ его рвахъ было тогда столько курнашковъ и дрохвъ, что казалось, будто бы всѣ означенныя мѣста были дворами хорошихъ хозяевъ. Мальчики ловящъ ихъ тамъ великое множество, и продающъ почти за безцѣнокъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

III.

БІОГРАФІЯ.

Жизнеописаніе Адмирала Семена Ивановича Мордвинова (*).

Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ говоритъ: предокъ его, Мурапъ Мордвиновъ, взявъ

описаніемъ, на берегу Мертваго Донца, близъ села Недвиговки. Слѣдовательно тутъ же существовалъ и древній Греческій городъ *Танаисъ*.

(*) Окончивъ Жизнеописаніе Семена Ивановича Мордвинова, изъ матеріаловъ упомянутыхъ въ предисловіи къ составленнымъ мною Жизнеописаніямъ Адмираловъ, имѣлъ я счастье получить отъ Ихъ Высочайшепревосходительства Александра Семе-

былъ въ аманаты къ Царю и Великому Князю Василию Иоанновичу въ 1546 году, и пожалованъ помѣстьемъ близъ Конорья. Отецъ его, Иванъ Тимоѣевичъ, началъ службу съ весьма молодыхъ лѣтъ, былъ въ Крымскомъ походѣ, и убитъ подъ Нарвою, 19 Нолбря 1700 года. Января 26-го 1701 года родился Семень Ивановичъ Мордвиновъ; и хотя мать его была за мужемъ только 30 недѣль, но изъ уваженія къ памяти мужа своего и любви къ сыну, осталася на всю жизнь вдовою, и воспитывала его при себѣ до 13-лѣтняго возраста.

„Въ Январѣ 1714 года,“ продолжаетъ С. И. Мордвиновъ: „были мы, дворянскія малолѣтныя дѣти и неслужащіе дворяне, привезены въ С. Петербургъ, и осматриваны, въ домѣ Князя А. Д. Меншикова, Его Величествомъ. Малолѣтныя, въ томъ числѣ и я, отпущены къ родителямъ; а взрослые опредѣлены въ гвардію солдатами. Въ Январѣ

новича и Николая Семеновича Мордвиновыхъ копію съ собственноручнаго жизнеописанія родителей ихъ. Симъ любопытнымъ матеріаломъ дополнилъ я сочиненіе мое. Читатели усмотрятъ, что собственноручное жизнеописаніе Семена Ивановича Мордвинова, хотя и весьма кратко, но согласно съ составленнымъ мною.

1824 Іюнь.

Василій Берхъ.

1715 года были мы вторично посланы въ С. Петербургъ, и по волѣ Его Величества, отосланъ я въ Новгородскую школу, а опшуда отправленъ лѣтомъ, въ числѣ 84 дворянъ и ихъ дѣтей, въ Нарву, для обученія Ариеметикѣ. Въ Октябрѣ сего же года, взяты мы всѣ по Имянному Указу въ С. Петербургъ, и опредѣлены въ Морскую Академію.

Въ Январѣ 1716 года, осматривалъ насъ Государь, въ домѣ Графа Ѳ. М. Апраксина, и я, бывъ написанъ въ числѣ 40 челоѣкъ во флотъ, посланъ съ ними въ Ревель. Здѣсь опредѣленъ я на корабль Архангелъ Михаилъ, къ Капитану Рю, Гардемариномъ, и съ того времени воспріяли Гардемарины начало.

Апрѣля 23-го, вступили мы въ море съ эскадрою, которою командовалъ 'Капитанъ-Командоръ Сиверсъ, и отъ Боригольма возвратились въ Ревель. Въ началѣ Іюля вступили мы, по Имянному Указу, опять подъ паруса, и прибывъ на Копенгагенскій рейдъ, нашли тамъ Россійскую эскадру, состоявшую подъ командою Капитанъ-Командора Шельпинга. Вскорѣ послѣ сего прибылъ Государь во флотъ, поднялъ снній Вице-Адмиральскій флагъ на корабль Ингерманландъ, и всѣ соединенные флоты пошли въ море къ Боригольму, и по непродолжительномъ пла-

ванія возвратились въ Копенгагенъ. Здѣсь учинилъ Государь распределение всѣмъ гардемаринамъ: 20 человекъ младшихъ — въ помѣ числѣ и я — посланы во Францію, 30 на галерный флотъ въ Венецію, 4 для обученія Архитектурѣ въ Италію, а 2 для познанія Такелажнаго Искусства, въ Амстердамъ.

„Въ Февралѣ 1717 года прибылъ я въ С. Мало, гдѣ находился Капитанъ - Лейтенантъ К. Н. Зошовъ, который и отправился съ нами въ Брестъ. Въ портѣ семъ определено насъ 10 человекъ во Французскую службу, съ чиномъ Гардемарина, на который и получилъ я патентъ, за рукою Адмирала Графа Тулуза. Съ остальными 10 человекъ поѣхалъ Зошовъ въ Тулонъ.“

Семень Ивановичъ Мордвиновъ умалчиваетъ о службѣ своей на Французскомъ флотѣ, а говоритъ только, что въ Іюль 1722 года, пожалованъ онъ въ Корабельные Поручики (*Enseigne de vaisseau*), и получилъ патентъ за рукою Французскаго Короля Людовика XV. Въ томъ же мѣсяцѣ отправленъ онъ въ Россію.

По журналамъ Коллегіи видно, что въ Маѣ 1723 года, явился С. И. Мордвиновъ въ Коллегію, и произведенъ въ Мичмана. Товарищи же его, Князь Иванъ Несвицкій и Левъ Милославскій, имѣвшіе вѣроятно знамени-

пыхъ покровителей, пожалованы были въ Унтеръ-Лейтенанты.

Въ рукописи С. И. Мордвинова сказано: „Явился я въ Коллегію и написанъ въ Мичмана, о которой обидѣ просилъ Ѳ. М. Апраксина, а потомъ и Государя въ Коллегіи; но отъ Коллегіи высланы мы безвременно въ Кронштадтъ, и я опредѣленъ на 80 - пушечный корабль Пешръ, къ Контръ-Адмиралу Сандерсу. Весь флотъ, подъ командою Генераль-Адмирала Графа Апраксина, ходилъ въ Рогервикъ, и Его Величество, заложа тамъ крѣпость, отправился со флотомъ въ Ревель, а потомъ возвратились въ Кронштадтъ.“

По спискамъ видно, что 10 Января 1724 года, произведено 20 Мичмановъ въ Унтеръ-Лейтенанты, и въ томъ числѣ С. И. Мордвиновъ. Въ его же рукописи сказано: „1724, въ Январѣ пожалованъ я въ Унтеръ-Лейтенанты, а въ Февралѣ, прибылъ въ Кронштадтъ Вице-Адмиралъ Гордонъ Главнымъ Командиromъ, и взялъ меня въ должность адъютантскую, а какъ онъ не зналъ по-Русски, то служилъ я ему также переводчикомъ. Сего же года лѣтомъ, пріѣзжалъ къ намъ Государь, заложилъ крѣпость и назвалъ: Кронштадтъ, а до сего времени именовали оный островъ Кошлинъ; при построеніи крѣпости работали полки Гвардіи: Преображен-

скій и Измайловскій (*). На 1725 годъ отпущень я въ отпускъ.

„Въ 1726, по возвращеніи изъ деревни, написанъ я на 70 - пушечный корабль Александръ, гдѣ былъ Вице-Адмиралъ Гордонъ, и занялъ при немъ опять помянутыя должности. Въ 1727, былъ я на фрегатѣ Винадгундъ, посланномъ въ крейсерство между Сескара и Соммерса. Въ Іюль вѣлно намъ возвратиться назадъ, и мы пошли въ эскадрѣ Н. А. Сенявина, для провозженія въ Киль Ихъ Высочествъ Цесаревны Анны Петровны, и супруга ея, Герцога Голштинскаго. При отбытіи эскадры нашей отъ Киля, оставленъ я былъ командиромъ на галіонѣ Керсъ-Махеръ, для нѣкоторой экспедиціи.“ — Въ журналѣ Коллегіи сказано: посланъ во Фленсбургъ, дабы привести ко Двору устрицъ, и возвратясь въ Октябрѣ въ Кронштадтъ, отпущень въ Декабрѣ въ домовый отпускъ.

Семень Ивановичъ Мордвиновъ говоритъ въ рукописи своей: „на Пестрой недѣлѣ въ Пятницу (1728), женился я на дѣвицѣ Θεодосіи, дочери Саввы Тимоѣевича Муравьева.

По дѣламъ видно, что къ Унперъ-Лейптенанту Мордвинову, находившемуся въ оп-

(*) Полагаю, что это ошибка, ибо Измайловскій полкъ учрежденъ въ 1731 году.

пуску, посланъ въ Мартѣ 1729 года Указъ, дабы онъ, съ двумя отправленными къ нему Геодезисами, описалъ всѣ дубовыя мѣса, распушіе по берегамъ рѣкъ Волги и Камы. Рапортовъ его объ исполненіи сего порученія не могъ я отыскать, а видѣлъ только по журналамъ, что въ 1730 году, отправленъ онъ, по предложенію Вице-Президента Сиверса, въ Кронштадтъ на корабль Выборгъ, для кампаніи.

Въ рукописи С. И. Мордвинова упоминается о семъ также весьма кратко; онъ говоритъ: „Выѣхалъ изъ Казани въ Апрѣлѣ, возвратился въ Октябрѣ, въ С. Петербургъ прибылъ въ Январѣ 1730, и сего года былъ въ походѣ на новомъ кораблѣ Выборгъ; крейсировали, для пробы онаго, у Красной Горки мѣсяцъ.

По журналамъ Коллегіи видно, что въ семъ же году опредѣленъ былъ Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ Командиромъ на придворную яхту Елисавету, въ Декабрѣ отпущенъ въ отпущъ, и въ Мартѣ 1731 произведенъ по лѣнни въ Лейтенанты. Въ Октябрѣ сего же года отправленъ къ нему Указъ, дабы онъ немедленно ѣхалъ въ Астрахань.

Въ рукописи С. И. Мордвинова сказано: „Сентября 15 отправился въ путь, и прибылъ въ Астрахань 4 Ноября. Въ 1722 былъ очень боленъ; но, не взирая на сіе, по-

сланъ Командиромъ въ портъ Ярки, на мѣсто Капитана Звърева; тамъ нашелъ двѣ претии больныхъ, ибо топъ годъ былъ очень тяжель болѣзнями. Въ 1734 году, смѣнилъ меня Капитанъ - Лейтенаишъ Пянингъ, и я, сдавъ ему команду, прибылъ въ С. Петербургъ Ноября 4 числа.“

По журналамъ Коллегіи видно, что С. И. Мордвиновъ, во уваженіе трудовъ, понесенныхъ имъ на Каспійскомъ морѣ, и разстроеннаго здоровья, опущенъ въ отпускъ по 1-е Марта 1735 года. „Являсь прежде срока,“ говоритъ онъ въ рукописи своей: „пробылъ я весь годъ въ Кронштайтѣ.“

Время, проведенное въ родительскомъ домѣ, употребилъ также С. И. Мордвиновъ на пользу; ибо, прибывъ въ С. Петербургъ, подалъ онъ въ Февралѣ 1735 года въ Коллегію, составленную имъ книгу: *О учрежденіи флота на морѣ*, собранную изъ разныхъ примѣровъ. Коллегія опредѣлила: представленную имъ книгу отослать на одобреніе къ Оберъ-Экипажъ-Мейстеру Зотову, а его Мордвинова перечислить изъ Кронштапта въ С. Петербургъ. Къ сожалѣнію, трудъ сей потерянъ; ибо Зотовъ по болѣзни не разсматривалъ книги сей, а по кончинѣ опоздалась супруга его, что не могла оной отыскать.

Въ послѣдствіи нашелъ я въ Архивѣ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента рукописную книгу сію на 87 листахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: — *Книга полного собранія объ эволюціи или объ экзерциціи флота на морѣ. Переводилъ съ Французскаго языка на Россійскій отъ флота Лейтен. Семень Мордвиновъ 1733 года.*

По тогдашнему времени переводъ былъ очень хорошъ, и могъ быть весьма полезенъ для морскихъ офицеровъ, незнавшихъ иностранныхъ языковъ.

Коллегія, бывъ вѣроятно довольна описью корабельныхъ лѣсовъ, кои С. И. обозрѣвалъ по берегамъ рѣкъ Волги и Камы, возложила на него въ 1736 году подобное же порученіе: ему велѣно было описать дубовые лѣса, находящіеся въ Новгородской Губерніи, и въ то же время наблюдать за скорѣйшею высылкою опшуда денежной казны. Два года находился онъ тамъ, и сверхъ вышеупомянутыхъ порученій, принималъ рекрутъ въ Новгородѣ. Въ 1738 году повелѣно ему явиться въ С. Петербургъ, а въ Февраль слѣдующаго года, назначенъ онъ былъ Совѣшникомъ въ Коммиссаріатскую Экспедицію.

Въ рукописи сказано: „Въ 1739 въ Январѣ, опредѣленъ я въ Коммиссаріатскую Экспедицію, въ должностъ Совѣшника. Въ 1740,

былъ въ походѣ на 112 пушечномъ кораблѣ Императрица Анна, въ должноти Капитанъ - Лейтенанта; послѣ, по болѣзни Капитана, командовалъ самъ кораблемъ. По возвращеніи въ С. Петербургъ, поступилъ я опять въ Коммиссаріатскую Экспедицію. “

Въ Августѣ 1730 года представилъ С. И. Мордвиновъ Президенту Коллегіи, Графу Н. О. Головину, сочиненную имъ книгу: *Каталогъ краткой для познанія въ молодыхъ лѣтахъ матрозамъ въ мореплаваніи принадлежностей*. Графъ Головинъ, одобря самъ книгу сію, предложилъ Коллегіи напечатать оной 1000 экземпляровъ; что и было весьма скоро исполнено. Вышеупомянутое заглавіе почерпнулъ я изъ Колежскаго послановленія; а вопъ то, подѣ коимъ она была напечатана :

„Каталогъ, содержащій о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, также о полномъ въ знапныхъ мѣстахъ, заливахъ и рѣкахъ, наводненіи, и прочая къ мореплаванію надлежащая въ разныхъ по Санкшпетербургскому меридіану таблицахъ, Семеномъ Мордвиновымъ, Морскаго Флота Лейтенантомъ сочиненный. По указу Государспвенной Адмиралтействъ-Коллегіи въ Морской Академической Типографіи напечатанъ, а подѣ смотрѣніемъ Контроле-

ра Семена Зыкова во сочиненіи праворѣчій исправленъ. 1744 года.“

Судя по сему заглавію и времени печатанія, надобно заключить, что это второе пополненное изданіе.

Въ Ноябрѣ 1740 года произведенъ былъ С. И. Мордвиновъ въ Капитаны Полковничьяго ранга, и въ слѣдъ за симъ представилъ Коллегіи новое сочиненіе: *Полное собраніе о Навигациіи*. Въ рапортѣ своемъ писалъ онъ: „Теперь представляю я только при частнѣ, а вскорѣ буду имѣть честь представить и четвертую.“ Коллегія одобрила сама книгу сію, и опредѣлила напечатать оной въ 500 экземплярахъ. Вотъ печатное заглавіе оной:

„Книга полного собранія о Навигациіи, по Указу Ея Императорскаго Величества Государственной Адмиралтействъ - Коллегіи, напечатана въ царствующемъ градѣ Санкт-петербургѣ, при Морской Академической Типографіи, лѣта 1748, Морскаго Корабельнаго флота Капитаномъ Семеномъ Мордвиновымъ сочиненная.“

Въ 1741 году повелѣно было С. И. Мордвинову отправишься въ Ревель, и принявъ тамъ въ команду фрегатъ Кронделинде, слѣдовавъ съ онымъ къ городу Архангельску, въ эскадрѣ Капитана Пушилова. Походъ сей описанъ у меня со всѣми подробностями въ

Жизнеописаніи А. Н. Нагаева, а посему, избывая повтореній, скажу, что Мая 11 отправился Капитанъ Мордвиновъ въ море изъ Ревеля, а Іюля 11 прибылъ къ мѣсту назначенія. Въ 1742 году отправился С. И. Мордвиновъ, вмѣстѣ съ Вице-Адмираломъ Бредалемъ, въ море, командуя въ то время фрегатомъ Вахмейстеромъ. О причинахъ возвращенія флота сего въ Архангельскъ упомянуто въ Жизнеописаніи Бредаля.

Въ 1743 году Іюня 13 числа, отправился С. И. Мордвиновъ, въ эскадрѣ Капитана Люиса, въ Кронштадтъ. По выходѣ флота сего на Бѣлое море, настали весьма жестокія бури, которыя, продолжаясь нѣсколько дней постоянно, сдѣлали сильное поврежденіе на фрегатѣ Аполлонъ, коимъ онъ командовалъ. Усмотря, что печь ежечасно увеличивается, поднялъ С. И. сигналъ 18 Августа, что терпитъ бѣдствіе, и спустился къ Двинскому устью. Въ рукописи его сказано: „Не доходя Нордъ-Капа, сдѣлался 10 Августа жестокий штормъ и продолжался немалое время; 18 числа сломило у меня фокъ-мачту, а бизань-мачту раскололо на 13 футовъ, для чего я, управясь съ обломками и не потерявъ ничего, возвратился къ городу.“

Въ Декабръ сего года умеръ Капитанъ Архангельскаго порта Дмитрій Толбухинъ.

Коллегія, получа о семъ рапортъ, приказала С. И. Мордвинову заступить мѣсто его. Въ Февралѣ слѣдующаго года предписано было ему, сдать команду старшему по себѣ, принять корабль Полтаву, и слѣдовать съ онымъ въ Кронштадтъ. По журналамъ Коллегіи видно, что въ Августѣ 1744 года прибылъ С. И. Мордвиновъ въ Кронштадтъ. Въ рукописи его сказано: „Мая 15 перевелъ я черезъ Баръ врученные мнѣ корабли, Полтаву и другой такой же, да Фрегатъ. Юня 14 вступилъ я подъ паруса, а 10 Августа пришелъ въ Кронштадтъ. Въ пути имѣлъ нѣсколько крѣпкихъ и противныхъ вѣтровъ, однако же безъ дальняго поврежденія, кромѣ гроузъ-мачты. Другой корабль возвратился за течею къ городу изъ Бѣлаго моря, а Фрегатъ отсталъ у Копенгагена. Въ Ноябрь опущенъ на годъ въ отпускъ.“

(Продолженіе впереди.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Жандармская команда производила обыскъ въ одной мызѣ, принадлежащей къ Гобретъерской

общинѣ (въ Вандейскомъ Департаментѣ). Не найдя оружія, которое, по слухамъ, собрано было въ этомъ мѣстѣ шуанами, начальникъ команды намѣревался уже опшправиться, но замѣтилъ, что одна печь закладена. Ее открыли и стали осматривать, какъ вдругъ опшшуда выскочила женщина и выронила изъ-подъ плащя кинжалъ. Эта женщина была Графиня Ларошжакленъ. Съ нею была другая женщина, вѣроятно, ея служанка. Онѣ обѣ взяты подъ стражу. Послѣ найдены въ этомъ же домѣ нѣсколько ящиковъ съ кремнями и ружьями, большое количество пороха и 20,000 франковъ деньгами.

Палата Депутатовъ.

Въ засѣданіи 15 Ноября, Г. Араго сдѣлалъ предложеніе объ учрежденіи въ десяти изъ главныхъ городовъ Франціи приготовительныхъ школъ для искусствъ и ремеслъ, въ которыхъ бы преподавались: 1-е, Физика, Химія и Механика съ примѣненіемъ къ Технологіи; 2-е, Арифметика, Счетоводство, Начальныя основанія Геометріи и Начертательной Геометріи и 3-е, Линейное рисованіе для изображенія машинъ.

Г. Поранъ предложилъ положить, что „для законности рѣшенія Палаты нужно присутствіе трети части всѣхъ Депутатовъ;“ но онъ самъ уничтожилъ свое предложеніе, потому что его хотѣли рассмотреть послѣ бюджета, когда оно не принесло бы ни какой пользы, ибо занятія Палаты были бы уже окончаны.

Потомъ начались снова пренія о законѣ о производствѣ въ арміи, который въ семъ же за-

сѣданіи и принятъ большинствомъ 236 голосовъ противъ 58.

Г. Президентъ. Теперь слѣдуетъ приступитъ къ разсмотрѣнію предложенія Г. Бриквилля (*). Это объявленіе произвело радостное движеніе въ трибунахъ, которыя уже нѣсколько дней наполнены были слушателями, нетерпѣливо ожидавшими сихъ любопытныхъ преній.

Г. Пажесъ, первый изъ Оракторовъ, говорившихъ о семъ предметѣ, разсуждалъ въ началѣ своей рѣчи о томъ, что династія, сверженная съ престола, всегда оставляетъ послѣ себя привязанность и ненависть, которыя изгладить можешь одно только время; что привязанность заслуживаетъ уваженіе, потому что она обыкновенно основывается на благодарности и на состраданіи къ злополучію; что желаніе возвращенія прошедшее можешь довести до мятежа, пропавъ котораго всякое Государство имѣетъ свои законы, но что и желаніе сохранить настоящее можешь повести къ тиранству. (Тутъ раздались крики: слушайте, слушайте!) Отъ насъ пребываютъ, чтобы мы разрушили грань, отдѣляющую справедливость отъ угнетенія. Господа! на пути произвольнаго (*l'arbitraire*) надобно беречься перваго шага; только онъ одинъ труденъ, только онъ одинъ свободенъ; слѣдующіе за нимъ уже необходимость. Если мѣра притѣснительная поражаетъ дворецъ или хижину, Монарха или гражданина, эта мѣра никогда не остается единственною. Спрашась возвращенія Бурбоновъ во Францію,

(*) Смори № 46 С. О. и С. А.

Республика подвергла ихъ опалѣ (*); вскорѣ, повинуясь вліянію того же опасенія, надобно было объявить опальными и всѣхъ, которые ихъ любили, Духовенство, Дворянство, эмигрантовъ и ихъ семейства; потомъ, когда опасеніе еще болѣе увеличилось, надобно было поразить опалою и тѣхъ, которые ихъ не ненавидѣли: тайеистовъ, федералистовъ, жирондиновъ; Дантонъ сдѣлался подозрительнымъ въ сострадательности, и Карно въ роллизмѣ. Когда шпранство входитъ въ полишику, это Океанъ, выходящій изъ береговъ, и нѣтъ голоса довольно мощнаго для того, чтобъ сказать ему: не далѣе! Что жъ произвели, Господа, эти республиканскія мѣры? Объявленные опальными Бурбоны пятнадцать лѣтъ царствовали во Франціи! Бурбоны въ свою очередь шли по тому же пути: они объявили опальными Наполеона и его семейство: Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. — Франція, говорятъ придворные, славится между всѣми народами любовію къ Царямъ своимъ; но не таковъ языкъ Исторіи, и ласкъ обличается истиною. Первому изъ Бурбоновъ открыло путь къ трону убійство послѣдняго Валуа; Генрихъ IV падаетъ подъ ударами злодѣя; во время своего малолѣтства Лудовикъ XIII и Лудовикъ XIV, гонимые мятежемъ, съ трудомъ находятъ въ своемъ Государствѣ мѣсто, гдѣ бы укрыть главу свою; желѣзо проникаетъ въ грудь Лудовика XV, Лу-

(*) Proscription мы переводимъ словомъ *опала* — за немѣніемъ другаго. Proscrire, *подвергнуть опалѣ, объявить опальнымъ*. Proscrit — *опальный*.

довикъ XVI умираетъ на эшафотѣ; Лудовикъ XVII угасаетъ въ цѣпяхъ; кровь Бурбоновъ есть и во рвахъ Венсенскаго замка и въ корридорахъ Опернаго Театра; Лудовикъ XVIII два раза подвергался опалѣ; Карлъ X три раза отправлялся въ изгнаніе. Мы такъ часто видимъ злоупотребленіе царственныхъ особъ, что намъ непозволительно умножать мѣры угнетенія и вписывать въ дѣянія законодателя тиранство, котораго нѣтъ въ духѣ народа. (Всеобщее одобреніе). — Какой же будешь результатъ двухъ проектовъ, вамъ представленныхъ (*); одинъ требуетъ смерти, другой изгнанія. Но это значитъ поражать или изгонять женщинъ, дѣтей и существа, еще не родившіяся, которыхъ, слѣдственно, никто судить не можетъ. Это значитъ возлагать печать отверженія и гнѣва человѣческаго на поколѣнія, человѣчеству непринадлежащія.“ За симъ Г. Пажесъ старался доказать, что осуждать опальныхъ на смертную казнь было бы совершенно бесполезно, ибо никто не захочетъ предать въ руки правосудія существо беззащитное, загнанное обстоятельствомъ на землю Франціи. „Но опальные съ оружіемъ въ рукахъ возвращаются во Францію? Что жъ тогда сдѣлаетъ законъ вашъ, чтобы разсѣять ихъ армію? Если побѣда останется на

(*) Предложеніе Г. Бриквилля состояло въ томъ, чтобы объявить Карла X и его семейство изгнанными на вѣчныя времена, и осудить на смерть того изъ нихъ, кто осмѣлился бы ступить на землю Франціи; Коммиссія отвергла сію послѣднюю часть предложенія, но опредѣлила объявить навсегда изгнанными и родственниковъ Наполеона.

вашей сторонѣ, тогда они будутъ преступниками; а если на ихъ, что тогда вы имъ скажете? Въ этомъ весь и вопросъ.“

Г. Сальвертъ рассуждалъ о томъ, что гражданское общество, точно такъ же какъ и частный человѣкъ, имѣетъ право употреблять всевозможныя средства для огражденія своей безопасности; но не можетъ, подобно ему, иногда жертвовать самимъ собою; члс предложеніе *Г. Бриквилья* нужно принять для того, чтобы устроить Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ, и навсегда разорвать связь съ ними Франціи; что изгнаніе Бурбоновъ есть событіе уже совершившееся и невозвратное, и что посему бесполезно и даже смѣшно было бы утверждать оное закономъ. Онъ подалъ голосъ пропизъ проекта Коммисіи, и въ пользу первоначальнаго предложенія *Г. Бриквилья*.

Г. Порталисъ также находитъ законъ, предлагаемый Коммиссіею, совершенно бесполезнымъ, и потому подаетъ голосъ пропизу онаго.

Г. Огюи полагаетъ, что непременно надобно назначить наказаніе за нарушеніе Бурбонами своего изгнанія, и что только такимъ образомъ могутъ Французы сдѣлать то, что сдѣлать для своего спокойствія одинъ сосѣдственный народъ послѣ битвы Кулоденской.

За симъ Президентъ вызвалъ на кафедру *Г. Маршиньяка*. Искренно жальемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ выписать превосходнаго вступленія сего краснорѣчиваго Орактора, бывшаго Министромъ Карла X-го, вступленія, въ которомъ онъ говорилъ о самомъ себѣ, испрашивалъ снисхожденія Палаты, ибо не мо-

жетъ надѣяться на ея благоволеніе, потому что ничего не сдѣлалъ для революціи 1830 года, напротивъ дѣлалъ все, что могъ, дабы предупредить ее, и въ такое время, когда страсти были сильно взволнованы и возмущены противъ Карла X; говорилъ съ уваженіемъ о его старости, съ состраданіемъ о его злополучіи; но что онъ заслуживаетъ довѣренность, ибо любитъ свое ошечество и не въ состояніи желать ниспроверженія нынѣшняго порядка вещей, ибо въ порядкѣ видитъ благо Франціи; что онъ со своей стороны никогда не вѣрилъ бы людямъ, коихъ привязанность измѣнчива, преданность подвижна, и которые скоро переходятъ отъ уваженія къ властямъ предержащимъ, къ презрѣнію къ властямъ падшимъ. Палата громкими восклицаніями изъявляла свое одобреніе; Г. Маршьяку кричали со всѣхъ сторонъ, что онъ заслуживаетъ полную довѣренность честныхъ и благородныхъ людей. За сѣмъ Ораторъ перешелъ къ разсужденіямъ о самомъ законѣ, и старался доказать бесполезность онаго.

„Вамъ предлагаютъ, сказалъ онъ, изгнать на вѣчныя времена членовъ старшей линіи Дома Бурбоновъ и наказывать смертію... *Многіе голоса во всѣхъ частяхъ Палаты:* „Нѣтъ, нѣтъ!...“—Г. Маршьякъ: По крайней мѣрѣ таково было первоначальное предложеніе, которое и теперь еще поддерживаютъ. Коммиссія отвергла смертную казнь, и оставила одно изгнаніе. Изгнаніе на *вѣчныя времена!* Можно ли, послѣ всѣхъ переворотовъ, которые мы въ теченіе сорока лѣтъ видѣли, говорить о постановленіи на вѣчность! Нѣсколько лѣтъ на дворцѣ Королей нашихъ было написано:

10 Августа 1792 Королевское достоинство уничтожено во Франціи, и возстановлено никогда не будетъ. Это пророчество подкрѣплено было закономъ Конвенша, осуждавшимъ на смерть всякаго, кто осмѣлится говорить о возстановленіи Королевскаго достоинства. И между тѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того самодержавная власть поставила свои проѣси, руку правосудія и мечъ на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было это лживое предсказаніе.“ Пошомъ Г. Маршиньякъ старался доказать, что подобный законъ никогда не былъ бы исполняемъ. „Одинъ изъ вашихъ Ораторовъ сказалъ на сей каедрѣ, что во Франціи *опала оправдываетъ*. Это глубокое и справедливое изрѣченіе осуждаетъ законъ вашъ! Въ словѣ *опальный* есть что-то такое, что доходитъ до сердца, пробуждаетъ совесть, и говоритъ силѣе всего осмального.“

„Претендентъ напоминаетъ объ опасностяхъ, которыми можешь онъ подвергнуть свое отечество; но *опальный* возбуждаетъ одно только состраданіе и участіе; при видѣ его думаешь объ однихъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается, о недостаткѣ покровительства, въ которомъ законъ ему отказываетъ. Возникость опасности, въ которой онъ находится, служить ему охраненіемъ. Вотъ какимъ образомъ *опала оправдываетъ*. (Прекрасно! прекрасно!) Если бы какой нибудь претендентъ явился во Франціи, всякой почелъ бы за долгъ уведомить о шомъ Правительство; но пусть явится *опальный*, заранѣе осужденный, гдѣ найдешь вы человека, который бы ударилъ палача по плечу и сказалъ ему: взгляни на эту царственную голову, узнай и слыши ее!... Этого человека

вы не найдете во Франціи. (Нѣтъ! нѣтъ)! Позвольте мнѣ возвратиться къ примѣру, о которомъ уже говорено было. Вы знаете, что закономъ 1816 года семейство Наполеона осуждено на изгнаніе, и за нарушеніе онаго назначена смертная казнь. Законъ сей существуетъ во всей своей силѣ, и такъ сказать, во всемъ своемъ тщеславіи, во всей своей бездѣйственности. Между тѣмъ два члена этой опальной фамилии пріѣзжаютъ во Францію и въ самый Парижъ... *Голосъ:* Королева Горпензія съ сыномъ. *Г. Мартиньякъ.* У кого же спрашивали они безопасности и покровительства? У Короля, у его перваго Министра, который обязанъ наблюдать за исполненіемъ законовъ. Они и не подумали объ исполненіи закона: напрошивъ, они пеклись о безопасности этихъ опальныхъ, и помогли имъ выѣхать изъ Франціи. И такъ законъ сей былъ или торжественно, офиціально нарушенъ, и когда Министръ, обязанный отвѣтствовать за исполненіе законовъ, говорилъ вамъ объ этомъ обстоятельстве, развѣ онъ извинился въ нарушеніи закона? Нѣтъ, онъ разсказалъ вамъ это, какъ вещь весьма просшую, весьма естественную. А вы, развѣ вы оуждали его или почли нужнымъ оправдать его закономъ, развѣ вы удивлялись его поведенію? Нѣтъ! вы не могли себѣ вообразить, что бы можно было поступить иначе. Какъ же послѣ этого издавать законы объ опалѣ! И не подумайте, господа, чтобы это былъ единственный примѣръ нарушенія законовъ сего рода. Фамилія Наполеона не одна въ 1816 была объявлена опальною; люди, которыхъ имена принадлежатъ къ ве-

лякой и горестной эпохѣ нашей Исторіи, которые были судьями въ процессѣ, коего память никогда не погибнетъ, были въ то время изгнаны изъ Франціи и осуждены на ссылку. Года три назадъ (я имѣлъ тогда пятую часть чести быть Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ), одинъ изъ этихъ людей прибылъ въ Парижъ. Долгъ мой *по закону* былъ бы взять его подъ стражу, представить въ Судъ, который бы увѣрился въ его шоржественности, и потомъ заковать его въ желѣза, пока мы отыскали бы какой нибудь Ботани-Бей или пустыню Синамарскую, или зловонныя болота, гдѣ бы онъ могъ *доумираться*; но долгъ мой *по гести, по словестству*, былъ предупредить его объ опасности; вы знаете, который изъ двухъ предпочелъ я. Я принялъ его подъ свое покровительство, доставилъ ему средства выѣхать изъ Франціи; это дѣло поручено было чиновнику, заведывавшему тогда Полиціею, и который теперь посреди насъ (Г. Дебелеймъ). Спарика пользовали, потому, что онъ былъ боленъ; ему сдѣлали пособіе, потому что онъ имѣлъ въ ономъ нужду; его проводили до границы съ уваженіемъ и состраданіемъ къ его старости и злополучію. По окончаніи всего дѣла я донесъ объ ономъ, и меня одобрили, какъ и вы нынѣ меня одобрите. (Да! да!) Что жъ было бы, если бъ законъ угрожалъ этому человѣку смертію? Я думаю, право, что тогда я бы и не рассказавъ вамъ объ этомъ. (Громкое одобреніе). Къ чему же подобный законъ, когда мы заранѣе увѣрены, что онъ не будетъ исполненъ, а это не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Положимъ, что одинъ изъ изгнанниковъ, осуждае-

мыхъ на смерть вашимъ закономъ, принужденный обстоятельствами, возвратился во Францію, и станеть искать въ ней убѣжища. Пусть постучится онъ у дверей самого творца этого предложенія, (слушайте! слушайте!) дверь отворится, изгнанникъ скажетъ свое имя, онъ войдетъ, и я головою отвѣчаю за его безопасность (*). (Громкіе клики одобренія) Вамъ говорили о Шотландіи: спросите же, господа, въ Шотландіи, къ кому обращался внукъ Іакова II-го, когда онъ просилъ хлѣба, чтобы утолить свой голодъ, одежды, чтобы прикрыть наготу свою, убѣжища, чтобы укрыть отъ преслѣдованія опальную свою голову. Вы узнаете, что онъ обращался къ семействамъ враговъ своихъ, и вамъ скажутъ: онъ могъ это сдѣлать, потому, что былъ въ опалѣ. Господа! это прекрасно, это дѣлаетъ честь человѣчеству, но человѣчество осуждаетъ и отвергаетъ вашъ проектъ закона.“ Въ осальной части рѣчи своей Г. Маршиньякъ говорилъ о томъ, что, вопреки всѣмъ увѣреніямъ приверженцевъ предложенія Г. Бриквилья, Правительство имѣетъ весьма достаточныя средства для того, чтобы дѣйствовать рѣшительно, ибо Уголовный Кодексъ полагаетъ наказаніе за *преступленіе, заговоръ, покушеніе, предложеніе принятое, предложеніе непринятое* и даже за самое *умолчаніе*. Г. Маршиньякъ подалъ голосъ противъ предложеній и Г. Бриквилья, и Коммисіи, и сходя съ каѳедры, былъ окруженъ

(*) Говорятъ, что при сихъ словахъ, прорвавшись Г. Бриквиль вскочилъ съ своего мѣста и прошагнулъ къ верху руки, какъ бы призывалъ небо въ свидѣтели истины сказаннаго.

множеством Членовъ, которые всѣ изъявляли ему свое удовольствіе.

Мы не станемъ разбирать рѣчей остальныхъ Ораторовъ, ибо онѣ содержатъ въ себѣ почти тѣ же разсужденія, болѣе или мене краснорѣчиво изложенныя. При общихъ разсужденіяхъ о законѣ, во Французской Палатѣ Депутатовъ почти всегда такъ случается, (если только предметъ преній не можетъ быть разсматриваемъ съ многочисленныхъ точекъ зрѣнія), потому, что Члены читаютъ рѣчи заранее написанныя; отъ сего происходилъ то, что рѣчи послѣдующія не только не служатъ отвѣтомъ на предъидущія, но даже содержатъ въ себѣ положенія уже опровергнутыя. Надобно только замѣтить, что Г. Вьенне сдѣлалъ непристойную выходку противъ знаменитаго Шапобріана за его брошюрку о семъ законѣ, и былъ охуждаемъ за то большею частію своихъ сочленовъ, и что Президентъ Совѣща объявилъ о согласіи Правительсва на предложеніе Коммисіи и о желаніи его, чилобы срокъ, назначаемый для продажи имѣній изгнанниковъ, былъ увеличенъ, дабы при семъ не было подлога, и владыцы оныхъ не потерпѣли убытка отъ слишкомъ скорой, и слѣдственно невыгодной продажи.

Въ засѣданіи 16 Ноября, общія пренія о предложеніяхъ Г. Бриквилья и Коммисіи окончаны, и начались разсужденія объ измѣненіяхъ въ оныхъ, предложенныхъ разными Депутатами. Г. Берье предлагалъ замѣнить оба проекта слѣдующими словами: *статьи 2, 3, 4, и 5, закона 12 Января 1816 г. (*)*

(*) Объ изгнаніи членовъ фамиліи Бонапарте и осужденіи ихъ на смертную казнь, въ случаѣ возвращенія во Францію.

отмѣняются; но предложеніе сіе отвергнуто почти всею Палатою, за исключеніемъ десяти или двѣнадцати членовъ.

Въ засѣданіяхъ 17 и 18 числа, проектъ сей разсмотрѣнъ во всѣхъ частяхъ и утверждень большинствомъ 251 голоса противъ 69, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

1. Бывшій Король Карлъ X, его наслѣдники и ихъ супруги мужескаго и женскаго пола изгоняются навсегда изъ земли Франціи.

2. Лица, въ предъидущей статьѣ означенныя, не могутъ пользоваться во Франціи ни какими гражданскими правами, владѣть имѣніемъ, получать доходы или пенсіоны, а равно и приобретать что либо безмездно или куплею.

3. Лица сіи должны продать всѣ, безъ исключенія, имѣнія, которыми они владѣютъ во Франціи. Продажа свободныхъ имѣній должна быть учинена въ теченіе года со дня состоянія сего закона, а спорныхъ въ теченіе года со дня окончанія тяжбы объ оныхъ.

Частное движимое и недвижимое имѣніе Карла X, которое приобрѣлъ онъ, или которымъ владѣлъ въ продолженіе своего царствованія, останется въ вѣдѣніи Управленія коронныхъ имѣній, до воспослѣдованія законнаго постановленія о долгахъ, которые долженствовали быть уплаченными изъ доходовъ прежняго Королевскаго Дома.

Кредиторамъ Карла X и его семейства предоставляется оыскивать права свои.

4. Въ случаѣ непроджи сихъ имѣній въ положенный срокъ самими владѣльцами, продажа будетъ учинена на законномъ основаніи Управлені-

емъ коронныхъ имѣній отъ имени и на счетъ владѣльцевъ.

5. Вырученныя за оныя имѣнія суммы будутъ выданы кому слѣдуетъ, владѣльцамъ или ихъ кредитшорамъ, за удовлетвореніемъ казенныхъ претензій, если таковыя имѣются.

6. Постановленіе, содержащееся въ статьѣ 4 -й закона 12 Января 1816 года, касательно наказанія опредѣленнаго, статьею 91 Уголовнаго Уложенія (*), отмѣняется.

За тѣмъ проектъ закона о раздѣлѣ акціонерамъ Банка части резервнаго капитала онаго, поддержанный Гг. Лафитшомъ и Одье, утвержденъ большинствомъ 258 голосовъ противъ 16.

Въ тотъ же день начались разсужденія объ утвержденіи счетовъ по бюджету 1829 года.

Въ засѣданіи 19 Ноября, выслушаны нѣсколько докладовъ Коммиссіи прошеній и предложенія: Г. Корменена объ отмѣненіи закона 11 Сентября 1807 года о чрезвычайныхъ пенсіяхъ важнѣйшимъ государственнымъ чиновникамъ; Г. Табо Линетьера о новомъ устройствѣ и распредѣленіи конскихъ заводовъ, и Г. Араго объ учрежденіи пригосовишельныхъ школъ для искусствъ и ремеслъ. Первое изъ сихъ предложеній принято въ разсмотрѣніе и передано въ отдѣленія Палаты, которыя должны будутъ назначить Коммиссію, второе отложено на безсрочное время, а третье отвергнуто, потому что Г. Араго предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить пригосовишельныя

(*) То есть: наказаніе смертію наследниковъ и родственниковъ Наполеона, въ случаѣ, если они, въ нарушеніе закона, возвращаются во Францію.

школы для искусствъ и ремеслъ, суще твующія въ Шалонѣ и Анжерѣ.

А н г л и я.

Холера въ Сундерландѣ продолжается, но въ другія мѣста еще не проникла; въ Эльвингѣ свирѣпствуетъ пнгузъ. Докшоръ Броунъ (Brown) утверждаетъ, что Сундерландская холера, безъ всякаго сомнѣнія, не завезена въ Англію, что она поражаетъ доселѣ только людей изъ низшихъ классовъ, живущихъ въ бѣдности и ослабѣвшихъ отъ старости и невоздержности, и что болѣзнь уменьшается и поражаетъ только по одному человѣку въ день.

Въ Курьерѣ увѣряютъ, что распущенный другими Журналами слухъ о предстоящей перемѣнѣ въ Министерствѣ не имѣетъ ни какого основанія.

Н и д е р л а н д ы.

Брюссель. Въ Министрѣ пишутъ, что въ слѣдствіе полученныхъ изъ Лондона извѣстій, Бельгійская армія отступаетъ во внутреннія провинціи Государства, и Главная квартира будетъ перенесена въ Брюссель.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я.

Въ Нѣмецкихъ газетахъ напечатано мнѣніе о холерѣ знамениаго Доктора Гуфеланда. Онъ утверждаетъ, что болѣзнь сія распространяется въ воздухъ, но бываетъ и заразительною при нѣкоторыхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ; что по сему кордоны по границамъ и оцѣпленіе до-

новъ совершенно бесполезны, но что впрочемъ къ больному не слѣдуетъ допускать никого, кромѣ людей самыхъ близкихъ къ нему и врачей.

Въ Италіи разнесся слухъ, что холера появилась въ Ливорнѣ.

Изъ Греціи пишутъ, что доселѣ тамъ все еще спокойно, жители повинуются Временному Правленію, и Майноуты, сошедшіе съ горъ своихъ, когда еще не знали о смерти Президента, разошлись по домамъ.

26-го Нолбря.